

Сообщество свободных авторов

Авторская весна

Стихи и проза

Тамара Сальникова

Авторская весна. Стихи и проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33574384

ISBN 9785449085757

Аннотация

Сообщество свободных авторов – это совершенно новый стандарт в творчестве. Это самостоятельная группа неординарных людей, желающих заявить о своих произведениях всему миру. В данный сборник вошла малая проза и поэзия. Для удобства читателя мы разделили произведения на разделы, в которых отражены животрепещущие темы: любовь, образ мысли, экспериментальная поэзия и современная проза. Вы окунётесь в океан, бушующий захватывающими историями. Приятного чтения!

Содержание

Аннотация	6
Ведущий автор	8
Ирина Кульджанова	8
Дом на горе	10
Его отражение	14
Свиюш	24
Стихи	34
Образ мысли	34
О чём думал месяц?	35
Макая усердно кисть...	36
Ну вот и всё...	38
Не первый я...	39
В городском океане...	40
Мечта	41
Оргалитом, фанерой, доской...	42
Мама идёт за Лизой	43
Тихий дождь	45
Беру фонарь. Иду себя искать	46
Жить хочется...	47
Крыша	49
Неизвестность	50
Есть время...	52
Вершитель	53

Мимо поезда летят...	54
По дороге в детский сад	55
Как много в детстве требуется мамы	57
Моё море	58
Такие знакомые чувства...	59
Не храни моих следов...	60
Пурпуром щёки твой пронзает взгляд...	62
Легенда о любви	63
Ассоль	70
Аргентинское танго	71
Мальчик с улыбкой вишнёвого сада...	73
Пожалуй, мы были семьёй...	74
Моя вселенная	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Авторская весна

Стихи и проза

Редактор Тамара Сальникова

Корректор Елизавета Клейн

ISBN 978-5-4490-8575-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Сообщество свободных авторов – это совершенно новый стандарт в творчестве. Это самостоятельная группа неординарных людей, желающих заявить о своих произведениях всему миру. Мы – команда, которая ежедневно пополняет список интересных авторов.

В данный сборник вошла малая проза и поэзия. Для удобства читателя мы разделили произведения на разделы, в которых отражены животрепещущие темы: любовь, образ мысли, экспериментальная поэзия и современная проза.

Вы держите в руках невероятную книгу, так как на её страницах – переживания, ощущения, эмоции и мысли более тридцати талантливых авторов. Вы окунётесь в океан, бушующий захватывающими историями. Вы почувствуете контраст реальности и придуманного мира, начнёте соперничать литературным героям. Время за пределами сборника остановится.

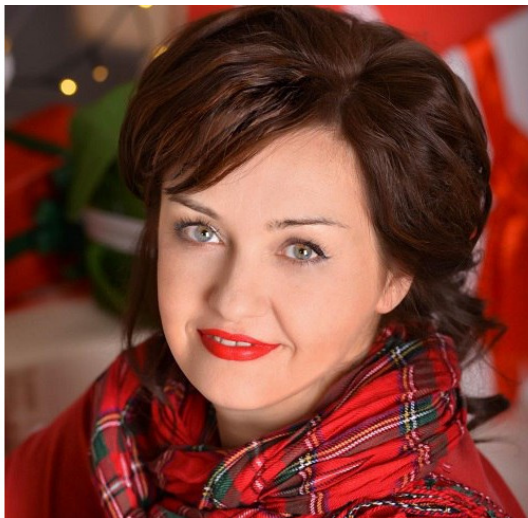
Свои произведения в сборник предоставили: Ирина Кульджанова, Игорь Леноров, Максим Киселёв, Денис Делендик, Дмитрий Дека, Сергей Ходосевич, Татьяна Бутченко, Владимир Платонов, Ирина Проскурина, Ульяна Солнцева, Светлана Волосьянкина, Лариса Смагина, Евгения Сеница, Анна Долгая, Виталина Малыгина, Татьяна Шерстнёва, Ольга Шальнёва, Александра Дудина, Елизавета Фёдорова, Ар-

тём Сафонов, Татьяна Милованова, Юлия Алексеева, Лидия Королёва, Людмила Ромашкина, Лена Боголюбская, Татьяна Петрова, Екатерина Шаповалова, Денис Васильев, Тамара Сальникова, Елизавета Клейн, Елена Мельниченко, Александр Снежник, Михаил Литвиненко.

Приятного чтения!

Ведущий автор

Ирина Кульджанова

Писала всегда для любимых людей. Сначала это были путевые заметки и письма. В 2014 году младшему сыну для съёмок в киностудии «Kids TV» понадобились сценарии авторской рубрики – и был создан цикл «Эта волшебная планета» в проекте «Mad Lapus».

Пишу в нескольких жанрах. Это сентиментальная проза; фантастика – социальная и стимпанк.

Всё время учусь, учёба стимулирует! И следую совету своего педагога из литературной мастерской: «В любой ситуации пиши текст!».

Дом на горе

Однажды – наверное, в другой жизни – я туда вернусь. В этот малюсенький домик на вершине отвесной высокой горы. Гора поросла лесом, смешными домами и заборами. Они, как новогодние игрушки на ёлке – прилепились к ней беспорядочно и кривовато. Серпантин дороги не добегает до её зелёной макушки – трусит в последний момент, ныряет на другой склон – и вниз, вниз, подальше от неба. Тыны из прутьев и округлых камней, вбитые в склоны, держат гору, как нитяная кольчужка. Кольчужка вся разная и неровная, словно куски её создавали в разных кузнях. Дикий виноград карабкается по ней, нависает над дорогой, льнёт к тёмному телу моей горы. И если перестать смотреть вперёд, на большую долину и огромное море, оглянуться вправо и наверх – увидишь мой дом. Он стоит на узкой площадке наверху, и его низкий и покосившийся заборчик из прутьев совсем не скрывает маленький двор и стену с одним окном. Но его никто не видит, ведь все всегда смотрят вперёд. Когда я туда вернусь, он будет таким же заброшенным, как когда мы встретились впервые. Его запертая дверь, выкрашенная когда-то голубой краской, облупилась и разохлась, и ветер, протискиваясь сквозь неё, старается сильно не визжать. Там всего одна комната – квадратная, с деревянным полом, с большими окнами и забытыми выцветшими занавесками.

Если открыть настежь дверь и окна, то ветер начнёт носить по дому пёрышки давно улетевших птиц. А в метре от дома начинается небо. Его так много...

А море – далеко-далеко внизу. С такой высоты прибой не видно, а шум ветра крадёт звук моря. Но когда я вернусь, я сяду у дома, прислонюсь спиной к его тёплой стене, и буду ждать шторм.

Его серая хмарь сползёт с гор, море, сопротивляясь, начнёт темнеть, а потом станет совсем чёрным. Волны будут тащить свои огромные тела к берегу – такие разные, такие одинаковые... Будут биться далеко подо мной, и я буду чувствовать этот рокот всем телом. Ветер перестанет быть милым и порывистым, будет вдавливать меня своей тяжёлой влажной лапой в камни стены. А они будут продолжать отдавать мне своё тепло. Я закрою глаза от вспышек молний, падающих в море, и буду дышать. Дышать и слушать. Утром я проснусь на площадке перед домом, и увижу, как набирают росу травинки. Моё платье тоже будет мокрым, но я всё равно не встану. Я никогда не видела, как появляется роса. Буду лежать и смотреть. А когда на море хлынет рассвет, совершенно золотистый и нежный, я наконец подойду к своему обрыву и загляну вниз. И увижу сверху спинки чаек, кружащих над берегом...

Я не буду смотреть влево, где за соседним склоном до обеда проспит гулявший всю ночь город, и вправо, где толпятся дома и разбегаются дороги и тропинки. Я буду всматривать-

ся в море и небо, а они – в меня. А потом я войду в свой пустой оживший и радостный дом, и найду монету. Как везде и всегда, она будет ждать меня. Я спущусь вниз, в деревню, куплю сыра, хлеба и помидоров, и услышу на чужом мне языке сказанное в спину «Вон она, это ведьма с горы». Сделаю вид, что не пойму, почувствую, как сказанные слова появляются тяжёлыми монетками в кулаке. Куплю на них хромую белую козочку и пару глиняных кувшинов. Мое чёрное платье, такое же, как у них, никого не обманет. Здесь я тоже чужая... Мы вернёмся с хромоножкой на гору и будем есть. Она – траву, высохшую от росы, а я – белый сыр с хлебом. А помидорки – поделим...

Я распушу волосы, тяжёлые от ночной воды, и ветер их высушит и запутает. Он всегда так делает. Он мастер...

Когда нас найдёт большой серый пес с подранным боком, ляжет под окном и не подпустит посмотреть на него, я накажу хромоножке: «Ешь с другой стороны дома». Сяду на землю, чтобы он меня видел, и расскажу обо всем. Вспомню, что осталась еда, но он не станет есть. Просто уснёт, греясь на камнях. На закате я наберу смолистых шишек и ягоды с куста у тына. Буду долго мять их пальцами, испачканными в смоле. А потом буду замазывать впалый собачий бок, раздвигая серую колючую шерсть. Он будет рычать, отвернув морду и не найдя в себе сил отползти. А потом уснёт. На утро начнёт есть остатки вчерашнего ужина и презирать мою хромоножку. И любить мой маленький дом. Когда ты решишь

прийти, просто подумай о доме на горе. Просто подумай. Ты сразу услышишь и море, и скрип двери, и почувствуешь соль на губах. Когда ты придёшь, оставь ружьё у входа. И если не найдёшь меня дома – значит, на ужин будет белый сыр с домашним хлебом.

Ирина Кульджанова

Его отражение

Одинаковых волн не бывает, это он знал точно. Его волны – они всегда были разными... Тысячи переливов и оттенков... Бирюза, бутылочно-зелёный, плавающийся янтарь, отливающая синью чернота... Длинной в часть вдоха – или целый вдох, или даже на выдох... Звук воды – шум, грохот, шорох, тише шороха. И там, в конце трубы, в которую сворачивается волна – картинки немого берега, фигурки людей, собаки. Или слепящий песок, и камни, и небесный провал. Сюжеты всегда разные – и одинаково далёкие, как дверь в чужой, неправильный и не особо нужный ему мир. Он просто есть. И пусть. Пока это просто картинка. Его мир, его жизнь помещалась в эти, наполненные мощью, движением и грохотом, мгновения. Ритм волн, тяжёлое и могучее движение масс воздуха, постоянство в изменчивости. Он ощущал малейшие перемены – не осознавая, не вдумываясь, не понятно, каким образом. Предугадывал. Был его частью. Частью своенравного чудесного древнего мира. Только на волне растворялось и разлеталось каплями плотное, беспросветное, такое привычное, одиночество... на воде он не был одинок. Сёрферы – люди суеверные. Полно у каждого своих примет и маленьких ритуалов. И у него тоже был свой. Входя в океан и ложась на доску, чтоб начать выгребать, на мгновение опускал ладонь в воду, пропуская плотные струи меж

растопыренных пальцев, зажмурился, чтоб не видеть своё отражение, затем вглядывался и начинал различать «сегодняшний цвет». Почему-то это было важно, разглядеть воду, и не было потом для него сомнений или тайн в её сегодняшнем настроении. Что-то переключалось внутри – и он становился пазлом этой большой картинки. Маленькой частью огромного целого. Ту волну он ждал уже несколько дней. Не он один – десятки сёрферов до рассвета подтягивались и сейчас выходили на лайнап. Уже скоро. Так всегда. Сейчас!

Движение толщи воды, почти такое же, как предыдущее – но нет, вся мощь и сила только собирается, копится – вот она, вторая волна! Вырастает из ниоткуда вместе с грохотом, который, кажется, и внутри и снаружи! Безумный восторг, к которому нельзя быть готовым, и весь мир закручивается и концентрируется в тебе! Он знал, чувствовал, что волна будет идеальной. Не обманулся! Каждый раз, вставая на доску и поднимаясь вместе с волной, ощущал этот жар в груди, этот жар рос вместе с гулом воды, заполнял его всего, растекался в крови, держал его в невесомом равновесии – вниз, с выдохом, и стена воды вслед, давит сверху, изгибается струящейся аркой, чуть повернуть доску – вдоль... нагнуться слегка... доска под ногами – продолжение тела, и водная пыль в этой отливающей солнцем уже трубе, и воздух сжимается вокруг и движется плотным вихрем... кончиками пальцев – коснуться вертикальной глади... прохлада струйками по горячей коже... Уйти от обрушающегося сверху гребня –

за мгновение. Ненадолго ослепнуть от плотной, окружившей тебя туманным облаком, водной взвеси. Опередив и вырвавшись – вдохнуть полнеба – оказаться за пределами волны, всем телом ощутив, как она разлетелась в пену. Пена ещё догонит и, не желая отпустить, закипит вокруг, с затихающим шорохом потом схлынет и уползёт навстречу следующей волне. Только на берегу, сев на камень, ощутить, как потихоньку начинаешь остывать. Солнце и ветер выжаривают каждую из капель, задержавшуюся на коже, которая согревается – но внутри жар спадает, как сломавшаяся волна, оседает, теряет инерцию.

Его больше не было. Рассветы, закаты, приливы, дожди. Люди – разные, но не он. Он был единственным, в чьих глазах она отражалась. Когда отражаешься – существуешь... Он перестал вглядываться в воду – если б это произошло, где бы он ни был, она б об этом знала. Значит, нужно его найти. Даже в рамках законов твоего существования путь может быть разным. Вода есть везде... Вперёд. Больше не волна – осела каплями на доске девчонки – сёрфингистки. Испариться. Облаком – здравствуй, ветер. Дождями-каплями, моросью... Зарыться в землю, просочиться к потоку – и с ним, вперёд! Частью озера, тучею, снегом... Десятки, сотни, тысячи людей. Не он. Разлита в бутылки. Люди... Не он, не он, не он... Убежать под землю, снова стать чистой, обрести цвет. Влиться в море, перебрать прибрежную гальку... По-

чувствовать силу... Наполнить ветер, снова морось, дождь, снег, лёд. Замереть. Растаять, мурлыкать и журчать – вперёд! Тащить щепки и листья, гладить камешки – мимоходом. Снова просочиться глубоко, лишиться воли, оказаться запечатанной в пластик. Снова люди, люди, люди – живущие с невероятной тяжестью, нет в них ни ветра, ни жара, ни движения. Стекать в их вены по капле, и ощущать их безысходность и свою бесполезность. Еще один. Почти неживой. В бесцветных глазах отражается капельница. Нет, не капельница... Капля... ещё одна... Искрится, переливается, отражает. Он смотрит. На воду. Точно не видел никогда. Или узнал. Узнал. Нашла. Нашла!

Смешаться с кровью, раствориться. Найти следы огня и ветра – почти невозможно в этой обездвиженности. Но они есть, потому что это – он! Просто отыскать их среди этого вороха тяжести и безнадёжности. Только и всего. А для чего ещё нужна вода?

Он закрыл глаза. Это невозможно. Невозможно услышать, как с тонким звоном падает капля внутри пластиковой трубки капельницы. Невозможно разглядеть своё отражение в маленьком неустойчивом шарике жидкости, лёжа на кровати. Невозможно знать настроение воды, вытекающей в твои вены из пластикового мешка. Невозможно ей обрадоваться. Чушь и бред. Ночью ему впервые за много лет снились волны. Маленькие фигурки сёрферов появлялись словно из ниоткуда, с лёгкостью взлетали на волну, словно

танцевали с ней в паре. Он стоял на берегу, и чувствовал, как сильно пересохло в горле. Даже вдох и выдох получались со свистом. Пена дотягивалась до его босых ног, мягко тёрлась о щиколотки, и убегала прочь. На него наваливалась слабость. Проснулся и лежал в темноте. Через полжизни наступило утро. «Просыпайтесь, сони! Всё, как всегда! Таблеточки – выпьем, кого проводить за дверь – помогу, и устроиваемся поудобнее!»

Хрупкая немолодая медсестра в голубом костюмчике прошла, прихрамывая, к соседу, потом повернулась к нему. Поправила сползшую подушку, всмотрелась в его лицо. – «Как Вы спали сегодня? Были боли? Почему не позвали?»

Как обычно, ответа не последовало. От этого пациента за всё время этого курса лечения – как и за два предыдущих – она не услышала ни слова. Ну что ж...

Всё по расписанию. Градусники. Игла туго входит в уставшее иссохшее тело. Сперва внутримышечные. Потом система, катетер под ключицей. «Что там?»

Она испугалась. Так привыкла к его беспрекословному подчинению, к безразличию, что испугалась его вопроса. И взгляда выцветших, бывших когда-то голубыми, глаз. И неожиданной силе его пальцев, стиснувших её запястье.

– Где? В капельнице? Раствор, всё назначено врачом...

– Раствор? То есть ВОДА?

– Не совсем, там лекарства, и не вода, а физраствор...

Он не отпускал, ждал объяснений.

– Ну... то есть да, вода, в ней соль растворена в специальной пропорции, приближенной к...

– Вода и соль? ВОДА И СОЛЬ?

Он отвёл наконец взгляд, разжал хватку. Лицо его странно изменилось, и женщина решила было, что у него начались снова его бесконечные боли. Он снова перестал замечать её и всё, что его окружало. И стоявшая всё ещё рядом медсестра вдруг с удивлением поняла, что он улыбается.

Ему не показалось. Вчера в тех каплях, размеренно падающих в гибкой трубочке и стекающих к его вене, он почувствовал то, что уже много лет забывал. Последний раз выходил на воду ещё мальчишкой. Чувство воды... равновесие и невесомость... Его отражение... Странно, куда подевалась вся жизнь? Они переехали семьёй, потом учёба, работа, семья, сложности, развод. Его сыну сейчас столько же, сколько было ему самому тогда. Когда тот малышом осваивал скейт-борд- это было невыносимо. Купил ему велосипед, а скейт «неслучайно» потерялся... Казалось, что всё, что связано с «его большой водой», навсегда растворилось в хорошенько забытом прошлом, и больше не будет всплывать и маячить, всегда выигрывая в шкале счастья первые места. А сейчас было стойкое ощущение, что он на доске, и там, в конце трубы, в которую уже свернулась волна, немые картинки из его жизни. Маленькое круглое окно, в котором больничная палата, пара кроватей, и два похожих друг на друга человека. Восковая бледность, трубочки под ключицами, на тумбоч-

ках книжки. Те, что никто не читает. Потому что всё, что связано с жизнью, уже пугает своей недоступностью. Как замороженный, смотрел на падающие капли. Как жил всё это время без неё? Не заметно... Наверно, поэтому сейчас тут. Последняя капелька повисла, налилась и упала. Словно карауля за дверью, вошла медсестра. Отключила капельницу соседа. Повернулась. Он её ждал. Сверлил взглядом. Не дал ничего сказать.

– Сколько мне осталось?

– Ещё два дня, потом контроль, а там врач все расскажет.

Он сел в кровати, голова кружилась.

– Сколько мне ОСТАЛОСЬ? Неделя? Месяц? Два? Год?

Пять?

Она смотрела на него, как кролик на удава. Помотала головой, пытаюсь стряхнуть оцепенение.

– Сколько? Врач не знает, но Вы! Перед Вами, год за годом, проходят одни и те же – уже научились ведь видеть, кому пора на тот свет? Мне нужно знать!

– Я не знаю... не могу сказать, только Господь...

– Говорите!

– Месяца три, максимум полгода...

Он откинулся на подушки, обессилено закрыл глаза, улыбнулся, когда она наклонилась отсоединить капельницу. С облегчением проговорил: «Целых три месяца... Отлично...»

И уснул. Не слышал, как она заходила, делала обезболи-

вающее его соседу. Как тот стонал, его рвало. Не чувствовал взгляда медсестры, пытающейся понять, что же произошло. Не видел снов. Проснулся глубокой ночью. Казалось, внутри всё спеклось монолитом – ужасно хотелось пить. Вода в стакане, на тумбочке в изголовье. Осторожно сел. Комната закружилась. Зажмурился. Открыл глаза. Нормально. Дотянулся до тумбочки. До стакана. За мгновение до того, как глотнуть, вспомнил. Поднял стакан на уровень глаз. Сквозь стекло и воду расплывался контур окна, и жёлтое пятно фонаря за ним. Вода была тёплой и безвкусной. Спала, наверное. Утро принесло жгучую, нестерпимую боль и столь же нестерпимое желание двигаться. Сел, спустил ноги с кровати. Боль накатывала волнами, кружила голову, баламутила тошноту. Придерживаясь за стену, побрел в коридор. На посту никого не было – наверное, медсестра уже на процедурах. Хуже не становилось. Можно пройти ещё несколько шагов. Оторваться от стены. Вернуться в палату. Какая она, оказывается маленькая и тёмная. И душная. Несмотря на то, что всё время проветривается... На кровати почувствовал, как бесконечно устал. После процедур были часы посещения – он их ненавидел. К нему уже давно никто не приходил – друзей в природе не существовало, приятели пришли пару раз, семья и знать не знала, где он и что с ним... Посетители были в основном у соседа по палате. Выходные превращались в медленную пытку – его толстая говорливая жена с бесконечными пирогами, которые вечером отправлялись в помой-

ку, его взрослая дочь со странным острым личиком, начинающая плакать или сдерживать всхлипы ещё с порога. Его бесил деловитый великовозрастный соседский сын, по сто раз переспрашивающий о каких-то мелочах, разношёрстные внуки, звонко чмокающие деда и тут же теряющие к нему интерес. Сегодня все пришли разом и галдели, выясняя отношения; было тесно, и на кровать, не спросив, уместился мальчишка лет десяти. Сел на краю, уткнулся в планшет. Сперва накатило раздражение, а потом... потом взгляд упал на экран. Там был ад. Вода бесновалась вокруг круглой башни маяка, и не было видно ни острова, на котором он высился, ни построек вокруг. Огромной высоты волны через раз легко захлёстывали верхнюю смотровую площадку, накрывали башню вместе с крышей. Обрушивались, отступали, затем вокруг вновь закручивалась тугая воронка из бушующей пены. Каждый раз казалось, что эта волна – последняя, она опадёт – и не окажется там никакой башни, схлопнется огромная пасть. Но раз за разом маяк выдерживал могучие удары, вода стекала вниз по невредимым стенам.

– Где это?

Мальчишка, казалось, не слышал. Закрыв ролик, что-то стал разыскивать.

– Это было кино?

Пацан отрицательно покачал головой. Оглянулся на него. – Это настоящий маяк. И шторм. Маяк Маре, во Франции.

– Можно глянуть ещё раз?

Мальчик насупился, помолчал. Потом пожал плечами, протянул ему гаджет.

– Поможешь?

Недовольно вздохнул, помедлил. Потом сел поближе, включил, нашёл. Уже виденное им безумство воды. Бешеный водоворот. Ветер... Он почувствовал, как ударит следующая волна, и понял, что где-то внутри разливается чудесное тепло. Вернул планшет, не досмотрев. Откинул одеяло. Осторожно встал, аккуратно налил в стакан воды, полюбовался через неё на свет. Свет собрался внутри у стенок маленькими отрывками радуг. Выпил длинными глотками. Улыбнулся, представив, как радуги вытягиваются внутри длиной цветной полосой. Растворяются в его давно бесцветном теле. Наполняют его жизнью. Отлично. Как хорошо, что вода есть везде!

Собрал вещи. Переждал головокружение и новый приступ боли. Вышел в коридор. Посмотрел на часы. Посчитал в уме. До ближайшего побережья максимум полсуток – такси, самолёт.

Значит, впереди ещё примерно две с половиной тысячи часов жизни.

Бездна времени.

Ирина Кульджанова

Свиюш

Дремота баюкала его уже давно. С тех пор, как увезли Басеньку, сына хозяйки. Дом дремал уже много дней, и он, Свиюш, маленький домовый, вместе с ним. Давно в доме не пахло булочками и конфетами, а в дубовом буфете крепко и тяжело стоял запах лекарств, марли и старых выбеленных простыней. Когда-то молодая Хозяйка застилала накрахмаленными салфетками полочки, красиво расставляла немногочисленную парадную посуду, а в правом нижнем шкафчике хранила банки вишнёвого варенья и домашнее печенье в вышитом мережкой мешочке... Дубовый буфет тогда был ещё совсем новый, и в глубине его таился запах древесины – тонкий, немножко терпкий, он нравился Хозяйке. Она всегда открывала верхнюю дверцу, вдыхала, недолго стояла. Потом, улыбнувшись, словно старому знакомому, ставила посуду на полку. А закрыв дверцу маленьким ажурным ключиком, будто на прощание, поглаживала скруглённый бок буфета. Свиюш нежился в тепле маленькой руки, и иногда слышал, как Хозяйка растерянно шептала: «Зябко дома-то как, а дерево такое тёплое... Словно зверь живой...»

Буфет был его домом. Когда-то Свиюш жил у других Хозяев, далеко, в большой квартире. Там была библиотека, высокие стеллажи под потолок, полки из черёмухи, тяжёлые книги, неслышно бормочущие свои истории. Свиюш очень

старался, и Хозяева всегда сразу находили нужные им тома, и грызуны сторонились этой драгоценной комнаты, и с хозяйской кошкой он совсем не ссорился. Было всё в порядке, так, как и должно быть в большом уютном доме. А потом вдруг дом опустел, никто не оставлял на кухонном столе печенья, цветы засохли и съёжились, а в окна перестал попадать такой живой и тёплый солнечный свет. Домовой забился в дальний угол библиотеки, забылся вместе со всей квартирой в тяжёлой дрёме, впустив в комнаты сквозняки, приносящие запах гари и безысходности. В тот раз проснулся он не скоро, только когда спустя несколько лет вернулся Хозяин. Он был каким-то тусклым и одиноким, как будто кусок души его съело что-то большое и страшное, и теперь там, внутри, болталась глухая пустота. Хозяин трогал корешки книг, стоящих на пыльных полках, подолгу сидел в комнате, не зажигая света, и почти не ел. И дом, встрепенувшийся поначалу, снова выдувался колючими сквозняками.

Свиюшу было неудобно. Он боялся снова провалиться в ватную дрёму, боялся, что дом вновь опустеет. Теперь он пристально следил за единственным человеком, живущим рядом, стремился помочь во всём, что было ему доступно. Но выходило плохо. По ночам Хозяин подолгу не спал, сидел в кресле в темноте, и вновь не открытая книга оставалась забытой на его коленях. Он много курил, и к утру запах в холодной и непроветриваемой комнате влажно и осязаемо повисал, как непростиранная простыня. Иногда он за-

бывался сном, и Свиюш, видя сползающие к спящему человеку тёмные и тяжёлые сновидения, как мог, справлялся с ними, вытаскивая взамен и дая свои – запах деревянных полок, кожаных переплётов старых книг, кисточки от потерянной закладки с серебряной вставкой, солнечные зайчики – с окошка на графин, а потом на дверцы библиотеки... Постепенно Хозяин переставал вскрикивать во сне, дыхание его успокаивалось, и дыра в душе ощущалась чуть меньше. Но наступало утро, проснувшийся человек оглядывался вокруг, и из взгляда его уходило вставшее было солнце... Однажды за ним пришли, и он как будто и не удивился, спокойно и быстро сложил всё, что лежало на столе у кресла, в старый чемодан... У дома должен быть Хозяин. А человек уходил, зная, что сюда уже не вернётся. И с ним – та не открытая ни разу книга... Свиюш ринулся следом. Теперь весь Дом сосредоточился в этом потёртом фанерном чемодане, и его место тоже там. А потом было гулко и многолюдно, но Свиюш ощущал, как вокруг Хозяина всё равно живёт и колыхается холодная пустота. Их новый дом – неудобный, с низким потолком, пах пылью, мышами, болью и горечью. С ними жили ещё какие-то люди, и они были разными. Ещё один, как и Хозяин, был тусклым и потерянным. Двое дышали жизнью, но тепла совсем от них не шло, и Свиюш ёжилась и слабел от их присутствия. Однажды один из них втихоря открыл чемодан, начал рыться. У домового припасён был за подкладкой крышки неправильно вбитый гвоздик, но он

не сильно помог. Ничего не взяв, человек оставил за собой тяжёлый дух ненависти и нетерпения. Последний, кто жил с ними в доме, был совсем молодым. Иногда он молча помогал Хозяину в чём-то, делился немногочисленными тёплыми вещами. Свиюш таял. Живущая по соседству боль и тоска лишали его сил, всё хуже получалось делиться, и его человек угасал рядом.

Однажды Хозяин ушёл утром со всеми, как всегда, а вечером не вернулся. Маленькому домовому теперь нужен был Дом. Своё нехитрое наследство его человек оставил Молодому. Переселившись под его кровать, Свиюш смотрел его сны. Молодой мастерил мебель. И сны ему снились пахучие, с серпантинами стружек и ощущением тёплой волокнистой древесины под ладонью... И Свиюш подарил ему сон о той гостиной, что была когда-то в Хозяйском Доме. С большим дубовым буфетом, круглым столом и венскими стульями, маленьким диванчиком и чайным столиком под кружевной скатертью... И утром – наконец-то – понял, что скоро у него будет Дом. Каждый день Молодой приносил с собой тёплый древесный запах, что-то чертил в хозяйской книге на полях огрызком карандаша... И однажды взял её – а значит, и Свиюша, на работу с собой.

Создаваемый им Буфет был замечательным. И Свиюш остался в нём. Чудесным образом – Молодой нарадоваться не мог! – получилось раздобыть латунные навесы для дверец, ручки и врезные замочки с маленькими ключика-

ми. Свиюш ощущал теперь каждый уголок, каждую полочку, каждую детальку своего жилища, как себя. Постепенно набирался сил, привыкал. Ведь теперь нужно было выбрать Хозяев Дома, где он поселится...

Буфет ещё не был полностью готов, когда нашёлся человек, пожелавший им владеть. Он приходил в мастерскую, хозяйски проверял, хорошо ли прилажены, не скрипят ли уже поставленные дверцы, высматривал малейшие трещинки в древесине, простукивал в поисках древооточцев стенки... Он пах чем-то острым, вязким и пугающим, и Свиюш вздыбливал крохотные занозы, заклинивал дверцы, как умел, скрипел, раскорёживался и показывал всю НЕУДОБНОСТЬ и НЕНУЖНОСТЬ буфета этому человеку. Тот излучал тягучее упорство, шурился и приглядывался к казавшейся издалека такой привлекательной мебели, водил нечувствительными пальцами по крохотному ажурному ключику, удивляясь, что никак не может за него взяться половчее... Уходил, бормоча, что просто буфет ещё не доделан, и вот потом он придёт – и всё будет как надо. Но чувствовалось, что внутри у него хрустело и перекатывалось недовольство, и всё вокруг наполнялось колкими ядовитыми крупинками, и Свиюш ещё долго потом сгонял и вытряхивал их из буфета и мастерской, ловил солнечных зайцев и отворял древесный дух, чтобы подбодрить Мастера. Потом приходили ещё какие-то ненужные люди, но набравший наконец силу Свиюш уже от порога мастерской отводил им глаза и старательно

делал свой Буфет неприметным. Мастер уже закончил свою работу и больше не появлялся.

Однажды буфет погрузили в машину и куда-то повезли, и домовый ничего не мог с этим поделать. Дом был новым. В нем ещё не жили тени прошедшего, было много места и солнца. И ещё была семья. Молодая хозяйка, маленький мальчик и сильный мужчина. Мужчина бывал дома редко, приносил с собой бумаги, от которых веяло прежним неуютным обиталищем Свиюша, и, когда их закрывали в нижнем ящике буфета на ключ, Свиюш перебирался повыше, чтобы ощущать их как можно меньше. Хозяйка была тёплой. Часто по вечерам, уложив сына спать и ожидая мужа, она садилась за стол у буфета, вышивала, или что-то штопала. В квартире поселялось умиротворение... А иногда она читала какие-то письма, грустила и тревожилась, писала что-то в толстой тетради с клеёнчатой обложкой, которую потом вместе с конвертами прятала между скатертями на полке. Положив свои записи, Хозяйка поворачивала ключик в замке. Задумавшись, проводила ладошкой по дереву буфета... Тревожность её мгновенно взбаламучивала всё существующее вокруг пространство, потом потихоньку растворялась в окружающем покое и умиротворении, и хозяйка успокаивалась тоже. Свиюш хранил её тетрадь от случайных неловких поисков тех, кто жил с нею.

А ещё был мальчик. Это был единственный человек в существовании Свиюша, который о нём знал. Это было очень

странно и непривычно, но в первый же день мальчик просто открыл нижнюю – ту, что доставал – дверцу буфета и сказал: «Привет, меня зовут Басенька, а тебя – тебя зовут Свиюш? Как здорово!». Мальчик излучал восхищение и радость, желание до всего дотронуться и всё почувствовать. И он так же, как Свиюш, ощущал настроение других людей и всего дома. Впервые Свиюш существовал не просто рядом с человеком, а вместе... Это было непривычно...

Басенька рос, но совсем не менялся, рассказывал Свиюшу истории из книжек, которые читала ему мама перед сном. Свиюш с ним тоже делился, чем умел – снами, ощущениями, защищал, как мог. Мальчик всегда жил дома, нигде не выходил, к нему часто приходили чужие люди, одни и те же. Люди приносили с собой запах безнадёжности и усталости, и ребёнок в их приход каждый раз забивался за буфет и затихал в надежде, что его не найдут. Свиюш отводил им глаза, путал и прятал предметы, что они приносили с собой. Эти предметы помогали людям, причиняли его Басеньке не сильную, но всё же боль, и потом он надолго становился вялым и безжизненным, не подходил к Свиюшу и не видел снов. Свиюш метался рядом с оцепеневшим сознанием малыша, пытался делиться с ним всеми своими запасами – запахом ёлки с игрушками, так любимой Басенькой, маминого печенья, большой кожаной папиной куртки, ощущением пола, прогретого солнцем. Все пропадало бесследно в вязкой непонятной каше, царившей там, где ещё

недавно было солнечное сознание. Хозяйка в это время становилась замкнутой и сухой, подолгу сидела у окна на кухне, а Хозяин наполнялся какой-то непонятной надеждой. Ощущалось, что он ждёт пробуждения сына и перемен. Басенька постепенно приходил в себя, вновь оживал, начинал рассказывать Свиюшу истории, которые сами приходили ему в голову, и оставлял для домашнего кусочки печенья на нижней полочке буфета. Жизнь дома снова набирала скорость и обретала смысл, Хозяйка вновь принималась за пироги, вышивку, старательно убирала в доме, постоянно зовя к себе сына и тщетно пытаясь научить его чему-нибудь. В Хозяине же таяли все его надежды, приходя в дом, он приносил мучительную смесь усталости и раздражения, любви и обречённости. Свиюш старался, как мог, показывал ему цветные яркие сны его сына, и иногда – его страх перед чужими людьми. Но вместо ожидаемого понимания в Хозяине жило тяжкое чувство вины... Проходило время, и всё повторялось вновь. Басенька становился старше, он научился отводить глаза людям, прогонять плохие сны, что иногда снились отцу, и выглаживать мамины хвори. Но самое главное – он научился избегать того, что делали с ним чужие люди, приходившие ему «помогать». Они уходили из дома, уверенные в том, что сделали всё, что должны были, да и отец теперь был почти спокоен, убеждённый в успехе «лечения». Однажды Свиюш почувал в нём отпечаток другого дома. С тех пор он старательно укрывал этот запах от Хозяйки, и, с большим

трудом, от Басеньки. Но в целом в доме жило умиротворение, и Свиюш теперь всё время был наполнен сияющей и лёгкой силой. Установившееся равновесие существовало долго, и нарушилось уже на закате жизни Хозяйки, когда её муж всё же ушел в другой дом. Как-то быстро она потускнела, ослабла, и никакие старания Басеньки не давали результатов. Наоборот, он сам тоже начал меняться, в его снах появились те провалы, что создавались когда-то чужими людьми и болью. Теперь эти вязкие непонятные омуты возникали в снах Басеньки всё чаще, пока из снов не выбрались в его сознание. Теперь человека почти всё время окружала ощущаемая преграда – Свиюшу не было доступа. Всё происходило так скоро, что домовый не успевал за переменами. Сначала увезли впавшего в оцепенение Басеньку, спустя немного времени – обессиленную Хозяйку. Дом опустел. Свиюш ждал. Постепенно квартира погружалась в дрему, убаюкивая и Свиюша...

Встреча с риелтором назначена на шесть вечера. Не успеваю! Блин, сказала же, не хочу пятый этаж в послевоенной пятиэтажке, да ещё трёшка малогабаритная, да ещё ремонта с момента постройки не было... Бегу. Согласилась посмотреть – теперь сама виновата! Муж уже там, злится, наверно... Ждать не выносит, даже две минуты – трагедия! Влетаю в квартиру. Странно, нет запаха старости и затхлости, риелтор говорила, женщина пожилая с сыном-инвалидом жила – вот я и думала...

Какая солнечная – во всех комнатах и кухне окна на юго-запад... Влетаю в зал – извиниться, но муж и девушка-риелтор спокойно обсуждают что-то за столом, никаких нервов... Плюхаюсь рядом на стул, пытаюсь отдышаться. О, чудный буфет! Что ли дуб? А продавцы оставляют? А? Квартира? Хорошая! Не, ничего, что пятый, зато светло, и подача тепла сверху, значит – тепло... А буфет посмотреть можно? Ну надо же, замки все рабочие... И ключики все на месте... Навесы какие интересные, латунные, им, наверное, уже сто лет в обед... Ни одна дверца не скрипит... Стойкий тяжёлый запах лекарств, ожидаемый мной ещё с порога... Дерево такое тёплое, как живое... глажу его, как больную собаку... Возвращаюсь за стол. Сделка? Конечно, мне всё нравится, даю добро. Взгляд непроизвольно всё время возвращается к старому буфету. Ухожу, восхищённая. Дома прихожу в себя. Так, и что это было? Может, ещё раз глянем? Да собственно, и так всё ясно.

Домой буфет забирать некуда, сватаю его своей золовке, Ляльке. Прежде чем вывозить, прошу её глянуть... Эффект тот же, свет и радость в глазах. Убеждаюсь, что догадка верная...

Привозим буфет к Ляльке. Пока она накрывает чай, открываю дверцу, вдыхаю запах дерева и, ощущая себя последней дурындой, шепчу: «Привет, меня Ира зовут, а тебя – Свиюш, да?...Здорово...».

Ирина Кульджанова

СТИХИ

Образ мысли

О чём думал месяц?

Месяц выплыл на небо,
Окаймлённый следом самолёта.
Над домами,
Где-то далёко,

Ещё день пролетел.
Месяц – до лета.
Припорошена снегом земля.
И я,
Квартирой согретый.

Месяц чертит траекторию
Вознесения и падения.
Ищет ли он что-то
Или радуется
Уединению?

Игорь Леноров

Макая усердно кисть...

Макая,
усердно кисть
не в гуашь,
красную —
Собственной кровью рисовал историю нашу,
как революцию.
Безжалостно надлежашую, —
в итоге
напрасную.
Под всеобщее рукоплескание получив
инволюцию.
Работа написана наспех,
выявлен брак,
нет глубины,
сухо.
В твоей галерее нет места,
заполнена,
новый кумир.
Подобно Винсенту отрежу,
отдам
своё ухо,
сердце и душу, жизни не жалко,
клади всё на полку —
мой тебе сувенир.

Максим Киселёв

Ну вот и всё...

Ну, вот и всё? Пожалуй, да.
Ловлю последние мгновенья.
Еще немного, и пора
Оставить мир, прогнав сомненья.
Забывших душ холодный свет
Уже сковал моё сознание
И на прощанье... Впрочем, нет,
Не будет слёз и расставаний.
Никто не бросится мне в след,
Ждать чью-то помощь бесполезно,
И оставаться смысла нет,
И нет причин не падать в бездну...

Денис Делендик

Не первый я...

Не первый я, и очевидно, не последний,
Кто жизнь глотал,
Не успевая прожевать.
Не запивая, не смакуя, больше, больше,
Холодную, горячую,
Не важно.
Пируя, с виду упускаешь,
Что чем быстрее ты её покушал,
Тем больше её будет не хватать.
Ну вот, пустыми днями
До тошноты набит желудок.
Страшно.
Пустые дни, пустая жизнь, пустая бочка
Не даст глотка,
Не даст напиться.
Но всё же есть рецепт её наполнить:
Держать мгновения,
И не торопиться.

Максим Киселёв

В городском океане...

В городском океане дома, как медузы,
Электрическим светом манят в темноте.
Москва-Сити, как лайнер, плывёт себе грузно
И сверяет свой путь по далёкой звезде.
Я на лодке-машине средь тысячи лодок
Заблудился в делах и в волнах суеты.
Непродвинутый я и в одежде немодной,
Но по жизни плыву на волне доброты.
Ну а где-то в кафе, где горячий кофе
Пьёт холодная леди, не зная о том,
Что я рядом стою и приснюсь завтра в профиль,
И мы выйдем гулять этим красочным сном.

Дмитрий Дека

Мечта

В океане ночном накануне рассвета,
Когда в мягких постелях спит внешность людей,
Наши души не спят, путешествуя где-то:
Где мечтали мы быть в бытовой суете.
В молодых облаках или с солнечным ветром,
Среди ласковых пляжей, альпийского льда,
Наши души живут, окрылённые верой:
Верой в то, что возможна любая мечта.
Что возможно быть разным, не веря границам,
Обязательствам, правилам, воле других.
Бросить все и свободными быть словно птицы,
Но суровая явь бьёт делами под дых.
Я, как все, просыпаюсь, плетусь на работу,
Отдавая за деньги бесценные дни.
Но однажды я сброшу те цепи заботы
И пойду посмотреть, что так душу манит.

Дмитрий Дека

Оргалитом, фанерой, доской...

Оргалитом, фанерой!
Доской обрезной!
Грудь свою заколачивал, гвоздями соткой.
Сердце жжёное запрятывал
От назойливых глаз, любопытного зноя.
Поплотнее всё, чтоб наружу не вытекло
Ни струёй, ни рекою.
Разойдитесь!
Не стоит толпиться!
Сколько же вас!
Здесь не рынок, базар, чтоб щупать с прилавка
Товар, вываленный напоказ!
А сороки вокруг:
– Что?
– Где?
– Когда?
Видать, знатоки.
Каждый вдруг – станет друг, бросая слова – в дар.
Выдавая советы горстями,
Мнят себя тактиками,
До секунд столкновения
С собственной практикой...

Максим Киселёв

Мама идёт за Лизой

Мама идёт за Лизой. Лиза домой не хочет.
Лиза не наигралась. Прячется, дует губы.
Домик рисует. Снизу детский корявый почерк:
«Маме». Картинка смялась. Лиза сжимает зубы,
Хнычет, дерётся, ноет. Душит подруг в объятьях.
«Мама, ещё немножко! Мама, домой не надо!»
Маленький демоноид Лиза в коротком платье
Сбрасывает одёжку. Требуется шоколада...

...Мама идёт за Лизой. Лиза бежит с продлёнки.
Лиза – сторонник долга, сделала все уроки.
С этой училкой-гримзой кончились все силёнки.
Мама сегодня долго – жмут на работе сроки...
...Мамин тревожный в трубке: «Лиза, куда пропала?»
Лиза – куда угодно, только с друзьями вместе.
Маме оскалит зубки, чтобы не услышала,
Вслух: «Я сегодня поздно. Ела. Сосиску в тесте»...

...Мама приходит к Лизе, чтоб посидеть с малышкой.
Лиза не маме рада – счастьем вздохнуть свободно.
Ей даже к фильму тизер некогда щёлкнуть мышкой,
Каждому что-то надо, делай когда угодно...
...Лиза приходит к маме. Мама с трудом выходит,
Дочку и сына, впрочем, помнит в лицо, узнала.
«Бабушка, хлеб – как камень! Ела сегодня?» – «Вроде...

Лиза, скажи рабочим: в ванне ремонт – сначала»...

...Выключен телевизор в маминой старой кухне.
Чёрного хлеба мякоть. Как так: была – и нету?
Что ж это, и без Лизы тоже ничто не рухнет?
Только кому же плакать? С кем обсуждать секреты?..
...Лиза уже не с нами. Свет за туннелем ярок.
Мама смеётся, машет: «Лиза, беги скорее!»
Домик и надпись «маме» – кадры на бис, в подарок.
С мамой не так и страшно... Лиза идёт за нею...

Елизавета Клейн

Тихий дождь

Я люблю тихий дождь, когда падают капли в костёр...
Дождь покоя, дождь памяти, дождь беззаботного детства.

Он приходит, с реалий смывая тоскливый узор.
В миг, когда я не знаю, куда мне от взрослости деться,
Каждой маленькой капелькой, будто небесной слезой,
Омывает моё зачерствевшее сердце бывалой,
И такое внутри происходит с растаявшей мной,
Что сама бы я ливнем, рыдающим, в землю упала.
Тихий дождь у костра – это вера в сегодня вчера,
Это я настоящая, я – из огня и дождинок,
Это смытая с плеч не моих убеждений гора,
Это в мире горящего в сердце целующий инок.

Татьяна Бутченко

Беру фонарь. Иду себя искать

Беру фонарь. Иду себя искать.
В продажах – нет. В хедхантинге – ни грана.
Ищу, попутно чёркая в тетрадь
Свои простые, будничные планы.

(Купить конфет и тортик. Похудеть!
Плиту надраить. Перемыть посуду.
Почистить диск – осталась только треть).
Но, может, глянуть в брак, и там я буду?

В замужестве – казалось бы, теплей,
Но тоже – нет, как нет и в материнстве.
И нет меня в лечении соплей,
Но где я есть? Ищу себя неистовой.

Я, может, бог тайм-менеджмента и
Планирова... Не я. (Ищу тетрадку).
И бог со мной. И Бог во мне таит
То, где я есть. И буду. По порядку.

Елизавета Клейн

Жить хочется...

В ванильном детстве, в ветреном отрочестве,
В степенной мудрой зрелости высочестве,
В болезненном и дряхлом одиночестве.

Жить хочется,
Жить хочется,
Жить хочется!

И даже если тело обесточится,
Надежды грифель до огрызка сточится,
Конец врачами скорый напророчится,

Жить хочется,
Жить хочется,
Жить хочется!

Мы любим жизнь, когда нам ненавидится,
Когда на чёрном белого не видится,
Когда одна лишь мысль: на всех обидеться —
И мы грозим с умершими увидеться.

Не нам решать, не наше это творчество,
Когда наш беглый путь земной закончится,
Но мы готовы лучше чуть просрочиться,
Чем сгинуть раньше срока —
Жить так хочется!

Инстинкт ли правит самосохранения,
Боязнь ли своего невоскресения,
Но этой жизни сильное хотение
Уводит нас порой от разрушения.

И лишь программы сбои и неточности
Виной которым разные порочности,
Лишают нас Творцом нам данной прочности
Так глубоко, что больше жить не хочется.

Татьяна Бутченко

Крыша

У крыши вечером такой тёплый бордюр,
И провода, зацелованные поверху солнцем,
Кирпичной складкой, похожей на абажур,
Каждая мансарда выпирает крохой – оконцем.

Если взобраться, сесть, упереться ногой,
Сперва одной, потом другой в её теплую кладку,
Можно узреть, что тут вид немного иной,
И подчиняется он совсем другому порядку.

Тут видно не только закат или рассвет,
Да разные неровности городского пейзажа,
Тут «пианиссимо» нежно звучит кларнет,
Без чужих скандалов и пустяшного эпатажа.

Если хочешь в себе его ощутить – лезь.
Обязательно лезь на нагретую солнцем крышу.
Этот мир, что живёт здесь – в твоей душе есть,
Вслушайся, он говорит – «Я рад, что тебя тут вижу.»

Тамара Анатольевна Сальникова

Неизвестность

Я не знаю, когда – что-то было на свете,
Пролетели года и не смогут ответить...
Ни земля, ни вода, ни лихой в поле ветер —
Не откроют секрет уходящих столетий.

Разнесло, разметало во все части света
Миллиарды осколков минувшего века.
Лишь в душе задержалась частичка былого,
Отражением снов в память вкрался словно.

В миг, когда тишиною исполнится время
И пронзительно эхом во мне отзовется.
Сбросив с плеч своих жизни тяжёлое бремя,
Белой птицею в небо душа унесётся!

И незримые нити тогда вдруг увижу,
Словно сотканных судеб людских вереница.
Промелькнут, как мгновения, передо мною,
Годы – всей моей брэнной жизни страницы.

Всё что было, что будет – вдруг вспомнится сразу!
Время будет бессильно ставить преграды!
Для души нет границ в этом мире бескрайнем,
Все пространства миров – на одном лишь дыханьи!

Пролечу, проплыву, сотни вёрст, как одну,
В сотни звёзд и галактик во вселенной войду!
Необъятных просторов загадочный мир,
Станет частью меня, я и он, как один...

Я не знаю, когда – что-то было на свете.
Пролетели года, и унёс в поле ветер.
Запах юной весны, шелест звёзд на рассвете,
Но я узнаю всегда, даже через столетье!

Этот нот перезвон – всё манит меня он.
Зов идущих сквозь время, сквозь явь и сквозь сон!
Сквозь ночь, день, словно тень, неизвестность плывёт,
К горизонту стремясь, а может, наоборот...

Александр Снежник

Есть время...

У нас есть время! Не дожить...
Есть время добежать и не успеть!
У нас есть время! Но его ты не возьмёшь...
Не остановишь и когда уснёшь!
У нас есть время! Не понять зачем...
И оглянувшись, не увидеть с кем!
У нас есть время! Быть... Там, где нас нет!
Не провожать закат и не встречать рассвет!
У нас есть время! Не любить... Или любить и быть
не с тем!
Идти... Безропотно! Прожить... Никем!
У нас есть время! Но зачем? Мне подскажите только...
Себя не видя и не зная, жить мне – сколько?

Александр Снежник

Вершитель

Сквозь время к нам приходит пониманье.
Незримый эволюции виток.
Переплетается душа с сознанием.
Подводится свершённому итог!
Всё обретает смысл...

Тугая спесь молодых терзаний.
Нелепой кажется игрой!
Бег бесконечных состязаний,
Жизнь наполняет всю собой!
А путь души в незримой выси...

И вот стоишь, смотря вперёд,
С оглядкой в прошлое... Не знаешь,
Что когда будет, наперёд!
И этим счастлив... Понимаешь!
Ты своей жизни непосредственный вершитель...

Всё так же строг внутри себя,
Искатель истины нетленной.
Простых побед, тревоги дня,
Небесный свет – души вселенной!
Планет далёких самый быстрый покоритель...

Мимо поезда летят...

Поезд с ошеломительной скоростью
проносится мимо.
Платформа косится
от ветра, что он несёт.
Холодный воздух задувается во все полости,
А составы не останавливаются:
носятся и носятся,
Мимо меня назад-вперёд.

Сижу один на холодеющей скамейке,
А ноги подо мной тепло мне отдают.
Сгрудилась ночь, звёздам шепчу: «Согрейте» —
И представляю комнатный уют.

Но не судьба. Замёрзну в этой дали?
Никто не знает, где меня найти.
С другой платформы путников забрали —
И вновь по рельсам поезд прочь летит.

Игорь Леноров

По дороге в детский сад

Старается, крутит педали,
Пыхтит и пока без истерик:
Полгода по далям страдали
Она и пошарпанный велик.

Сегодня – ругается мама,
Что выкинет старого друга.
Дочурка вздыхает упрямо,
Но прямо не едет, по кругу.

Не так представлялась прогулка:
Ей грезились гонки и счастье:
По улицам и переулкам
Домчалась бы вмиг, водночасье

Но за зиму сдулись колёса,
А папа всегда слишком занят.
Вот мама – полегче сдаётся
Но шины надуть – не потянет.

До садика два километра,
За десять минут – метров двести.
И слёзы. От пыли? От ветра?

А мама: «Не стой ты на месте!

Вперёд!», и казалось бы, надо,

Но силы у всех на исходе.

Так долго до детского сада

По велосипедной погоде.

Елизавета Клейн

Как много в детстве требуется мамы

Как много в детстве требуется мамы!
Как мало мамы надо мне теперь.
И дочерям передаются травмы
От этих, в детстве прожитых, потерь.

Как сложно это: мамой быть, не рая,
И заключать в объятий нежный круг,
И не ругать за камешки в кармане,
И не переходить на ультразвук.
Мне кажется всё время: я не сдюжу!
На маму я экзамен не сдала!
Но вечером опять готовлю ужин
И снова вытираю со стола.

Решать стараюсь детские задачи
И в детство окунаюсь с головой,
Пытаясь вникнуть: где тут дочка плачет,
А где тут мой не повзрослевший вой.

Елизавета Клейн

Моё море

А море моё отшумит и впитается в землю,
Оставив на высохшем дне сундуки и скелеты.
Засушит в гербарий меня бессердечное лето.
Но это потом, а пока мои воды не дремлют.

Я буду штормить, обдавая солёным и свежим,
И горьким поить до предела, и биться прибоем,
И штилем ложиться, и гладить волной побережье,
И жить переливами «чёрное, нет, голубое».

Так много фантазий: русалки взволнованно дышат,
Сирены поют, а Нептун угрожает трезубцем...
Но море моё с каждым годом всё меньше, всё тише —
Недолго ещё, и поместится в чайное блюдце.

Елизавета Клейн

Такие знакомые чувства...

Не храни моих следов...

Не храни моих следов,
Даже для собственных очей.
Не храни их среди оков
Ложных сумрачных ночей.

Не храни, прошу, отпечатков
Моей обуви, моих стоп
Ни в асфальте и ни в брусчатке.
Ни в лесных узелочках троп.

Не хочу, чтоб в твоих колеях
Тот, кто после меня придёт,
«Здесь был я» прочёл в них, коли я
С твоей сотрусь тетради для нот.

Выжги солнцем их, как папилломы,
Состирай их, как пятна от краски,
Отломай топором или вырубь ломом.
Спали мои былые все маски.

Ты представь: а вдруг час придёт-
Шагать их кто-то повторно возьмётся?
Представь, какой на него шок найдёт,
Когда след перед ним мой прервётся!

Как вскружится его голова,
Коль отпечатки подошв точные
Реинкарнируют вдруг в слова
И оставят лишь тень многоточия...

Видишь, к чему клоню и говорю,
С чего вдруг «Не храни следов!» кричу?
За путь мой по тебе благодарю.
Прощай! Я дальше полечу...

Ульяна Солнцева

Пурпуром щёки твой пронзает взгляд...

Пурпуром щёки – твой пронзает взгляд —
Багрянцем губы, ожили ключицы,
Сырая страсть, неистовость томят,
Перебирая по ладоням власяницей.
Я ощущаю жажду обладать,
Терзать, связав персты цепями,
Бросаю кости – пало возжелать,
Заветы обнажая простынями.
Едва дышу, освобождаю стон,
Колени, дрожь, течение тебя по телу,
Сквозь расстояние устами в унисон,
И я к тебе навстречу смело,
В руках холсты, дневник и мастихин,
В тетради свежие стихи,
Играясь, отпущу контроль,
Ты разбудил
Меня собой,
Я
Чувствую себя живой.

Светлана Волосянкина

Легенда о любви

Давным-давно, в те времена,
Что люди уж забыли,
В ущелье девушка жила,
И все её любили.
А далеко – в столице мира,
В стенах дворцов прекрасных
В восторгах славы и эфира —
Блистал красавец страстный.
Доволен баловень судьбы —
Художник молодой.
Он стал кумиром для толпы!
Гордился сам собой!

Трудами жил он без нужды
В сиянии восторгов.
Дарил друзьям свои труды,
Сбывал без всяких торгов.
Перед полотнами народ
То плакал, то смеялся!
Любили женщины его,
И он их не чурался.
В любви рекорды все побил.
О чём мечтать? И всё же...
Был вдохновенья сладкий пыл
Ему всего дороже.

От пьяных оргий, от похвал,
От женщин, от веселья
Художник вскоре наш устал.
И вот порой весенней
Собрал холсты и краски он,
С друзьями распрощался.
Ушёл, свободой окрылён —
Теперь в горах скитался.
Однажды райский уголок
В пути ему попался!
С лазурной чаши на песок
Поток хрустальный мчался.
Вокруг – мохнатые гряды
Озёра охраняют. Зверей невиданных следы.
И птицы распевают.
Остался, принял дар чудесный,
Природы дикой краски.
Что может быть ему полезней,
Чем оставаться в сказке?

В той сказке девушка живёт.
Не девушка – богиня!
Сравнений нет! Не подойдёт
Ей никакое имя!
Прекрасней утренней зари,
Наивна, как ребёнок!
Как будто Бог сам подарил
Ей всё, что мог, с пелёнок.

Склонялись у прекрасных ног
И травы, и зверюшки.
И помогали, кто чем мог,
Ей жить в лесной избушке.
Её волшебной красотой
Он молча восхищался!
Она сразила добротой,
Надеждою на счастье.
Казалось, счастью нет границ!
Друг друга полюбили.
Под сказочное пенье птиц
Про всё они забыли!

Так пролетали день и ночь...
В восторге той наядой!
Усталость, раздраженье прочь
Умчались! Вот – награда!

Он знал, пожалуй, лучше всех,
Что значит красота,
Её весёлый звонкий смех,
Любовь и доброта!

Промчались вихрем пару лет...
Ведь счастье торопливо!
И вот тоска – предвестник бед —
Художника скрутила.
Проказник, яркий солнца луч,
Напомнил блеск и славу.

Он стал скрываться среди круч,
Он вспоминал забавы.

Устал он от немого обожания
(Бесхитростность лесной простушки!)
И, чтобы не сгубить своё призвание,
Ушёл он из лесной избушки...

Влюблённому не надо говорить,
Что охладел любимый.
Всё объяснил! – Не смог забыть
Того, чем раньше жил он.
К чему искусство без толпы,
Без зрителя художник?
Сдержать не в силах зов судьбы —
Да, друг он ненадёжный!

Всё поняла Любовь его —
С улыбкой отпустила,
Но не смогла жить без него —
Смертельно загрустила.

Подобно молнии слепящей,
Взорвался восхищением
Весь мир, пьянящий и звенящий-
Приветствовал он гения!

Слагались песни, сказки, оды.
Вино лилось рекою!

Богат, оваян славой, модой,
Забыл он мир покоя.
Забыл источник вдохновения,
Кто вызвал эти краски,
Кому обязан был спасением,
Кто создал эту сказку!

Но прошли блестящие приёмы.
Пиров пьянящие порывы.
Он устал от этой жизни новой,
Всё чаще приключались срывы.
Скатывал полотна он в рулоны,
Складывал их грудой в углу,
Всё сильнее жгла тоска по дому,
Чувства падали в густую мглу.
Сам в себе измену замечал!
Сомневался в ценности картин!
Вспоминал спасительный причал,
Где он раньше счастье находил.

Чудачка, или, может ведьма,
Жила несбыточной мечтой!
Пусть это будут только бредни!
Его увидеть пред собой!

Померкло всё вокруг неё!
Не дождалась! Затихли птицы,
Иссяк хрустальный водопад, разрушен дом.
Зачахла, стала страшною девица

От горя, сожалений о былом.

Время мчалось незаметно,
И художник наш ослеп!
Страшно, даже бес-прос-вет-но!
Мир вдруг превратился в склеп...

Вспомнил он тогда свою няюду,
Возвратился в дом, где счастлив был.
Встретившись, старушка была рада,
Счастлива безмерно – не забыл!

Окружила вновь его заботой,
Как младенцу, всюду угождая,
Собирала травы и работой
Занялась, усталости не зная.
Вместе они дом свой обновили,
Стали ближе и родней, чем прежде!
И хотя они прекрасно жили,
Теплилась чуть слабая надежда:

Любоваться снова красотой,
Приводящей в восхищение!
И она, с присущей добротой,
Возвратила ему зрение.
Знала, он разлюбит её,
Как увидит, и будет прав!
Оглядела своё жильё,
И сварила отвар из трав.

И в тоске, наклонив лицо,
Зельем смазала глаза.
Он, надев ей своё кольцо,
С благодарностью прошептал:
– Ты прекраснее алой зари!
И я вновь восхищён тобой!
Умоляю! Рай сохрани!
Ты подарена мне судьбой!

Изумлённо смотрела вниз,
В зеркало воды с сомнением —
Ожидал её большой сюрприз —
Красоты былой возвращение!

Любовь и Счастье творят чудеса,
Женщин всех в красавиц превращая!
Пусть свидетельствуют небеса
– Чудеса совершаем мы сами!

Лариса Смагина

Ассоль

Если бы в наше время жила Ассоль —
Ей не дожидаться Грэя.
Тот пропил корабль.
Забыл про свою любовь.
И где-то за алыми шторами млеет.
Ассоль не дождалась бы дурака, предателя и плебея.
Вернулась в город, нашла себе мужика, который мечтать
не умеет.
И ей запрещает – нет времени на мечты, есть дети, дела,
заботы.
Ассоль смиренно печёт торты, всех посылает к чёрту.
Всех, кто когда-то не верил ей, всех кто ей сделал
больно...

Ассоль забыла свои мечты, живёт для своих детей...
Дочке – алые ленты завязывает в банты,
А сына зовёт – Грэй.

Евгения Синица

Аргентинское танго

Я хочу танцевать с тобой аргентинское танго
Пряным вечером знойным в плену Некочей.
Чтоб нырнул ты за жемчугом, без акваланга,
И набрал мне на бусы. И повесил на шею.

Ты мечтаешь умчать меня в Ауди А8,
В пол педаль, чтоб смотрела вперёд с восхищением,
И на плечи мне – соболя позднею осенью,
Чтоб восторг мой щенячий впитать с упоением.

Раздвигаем пространство мы, рубим преграды.
Растворяя реальность в иллюзиях дивных,
Мы лежим перед ящиком с каменным взглядом,
В перерывы рекламные споря недлинно,
Что на ужин сегодняшней, то же, что было?
Или может быть, блинчики, но из кефира?
Да, пора бы нам выкинуть этот коврик постылый,
И вообще, мы когда-нибудь поменяем квартиру?
Подниму тебе нервы я, как всегда из пустого,
Ты ногою задёргаешь – это лучше, чем – матом...
Я ведь только спросила же... Да что тут такого?
Хорошо же, что вместе мы. Хорошо, что ты рядом.

Пряным вечером знойным в плену Некочей,
Наших ног отпечатков пески не узнают,

Просто носом уткнусь в твою крепкую шею.
Просто снова пойму, что люблю, засыпая.

Татьяна Бутченко

Мальчик с улыбкой вишнёвого сада...

Мальчик с улыбкой вишнёвого сада
В ярких лучах полудённого солнца,
Девочка, шурясь податливым взглядом,
Томно вздыхая, ему улыбнётся,
Куклу забросит на старой скамейке,
Будет бежать по тропинке босая,
Вьётся коса золотистая змейкой,
Ветер подолы одежд раздувает.
Мальчик с улыбкой вишнёвого сада
Руки навстречу раскинет пошире...
Двое влюблённых стоят у ограды,
Двое затерянных в маленьком мире...

Анна Долгая

Пожалуй, мы были семьёй...

Пожалуй, были мы семьёй,
И семеро по лавкам.
И в доме, всей этой толпой,
Держался мир, уют, покой,
Пусть и немного шатко, валко.
Мы ждали, что вот-вот, ещё чуть-чуть,
И все мечты начнут сбываться.
Мы жили так со дня на день, из года в год,
И разучились целоваться.
Купил я мясо,
Ты сварила щи,
Да, что там с коммуналкой?
Квитанции пока что не пришли,
Заштопать надо одеялку.
И семь тебя, и семь меня
Вдруг стали разбегаться.
По лавкам семеро сидят,
Грустят, не понимая, куда же им податься.
И вот седьмые я и ты
Друг другу стали уж чужими.
У всех уже свои мечты —
Не звать их больше нашими,
А звать теперь своими.

Моя вселенная

Ты для меня – Вселенная.
Полная тёмной материи,
Холодная и совершенная
Не знаю я, отогрею ли?

Ты для меня – Галактика,
Сияющая звёздной россыпью,
Как ледяная Антарктика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.